MEMORY STUDIAS И ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н. Р. Беляева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, beljaevanr@mail.ru*

В статье рассматриваются современные тенденции в европейской историографии, которые посвящены memory studies и поколенческой истории. На конкретных примерах рассматриваются аспекты жизни и деятельности различных поколений XX в. Сделан вывод о том, что передача памяти о прошлом – это не только процесс отбора фактов. Важнейшим элементом является традиция, трансляция поколенческого опыта.

Ключевые слова: историческая память; персональная история; социальная память; поколенческая истории; memory studies; пространство культуры.

MEMORY STUDIES AND GENERATIONS OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

N. Belaeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
beljaevanr@mail.ru*

The article examines the current trends in European historiography, which are devoted to memory studies and generational history. The aspects of life and activity of various generations of the twentieth century are considered on concrete examples. At the same time, it is concluded that the transfer of memory about the past is not only a process of selecting facts. The most important element is tradition, the transmission of generational experience.

Keywords: historical memory; personal history; social memory; generational history; memory studies; cultural space.

Результатом радикальных изменений в европейской историографии последней трети XX в. стало не только расширение потенциального поля истории, но и круга тех документов, что были призваны ликвидировать противопоставление «истории» и «памяти». По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «история культуры это – история человеческой памяти» [1, с. 26]. Мы все живем событиями нашего университета. История БГУ – это история прежде всего многих поколений учёных и преподавателей, с разными судьбами, характерными для разного времени. Это, с одной стороны, коллективная память большого университетского сообщества, с другой – индивидуальная память бывших студентов и преподавателей.

Конечно же, автобиографическая память не может существовать вне исторической памяти, ведь наши воспоминания всегда помещены в более общий исторический контекст. Но передача памяти о прошлом – это не только процесс отбора фактов. Факты обычно быстро утрачиваются на

ранних стадиях социальной памяти: во-первых, чтобы их запомнить и передать, они должны быть трансформированы в образы и, во-вторых, – организованы в рассказы. При этом проблематика памяти давно уже вышла за пределы собственно научных дискуссий и довольно прочно закрепилась в пространстве стихийной и организованной повседневности.

В рамках исторической памяти неоднократно шло обсуждение деятельности и документального наследия многих персоналий. Но, как правило, это охватывало прежде преимущественно жизнь выдающихся («замечательных») людей. Критерии отнесения к таковым менялись, но, как правило ограничивались известными политиками, учёными, деятелями культуры. Жизнь же рядового человека оставалась за кадром, за рамками истории, а соответственно – и историографического изучения.

В предыдущих статьях нами уже, собственно, отмечалось то, что к персональной истории и проблематике памяти сподвигло стремление больше узнать и рассказать про моего деда – Нестора Лукьяновича Прокопюка, студента БГУ в 1920-е гг. [2; 3]. Именно через личность мы можем увидеть эту эпоху, эпоху очень противоречивую и неоднозначную. Личность объединяет не только настоящее и будущее, но и собственное прошлое, более того, она сформирована этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, сохраненной в культурной матрице. И чем дальше, тем больше эта тема увлекала не только оригинальностью, но и своим важным социальным содержанием.

Ведь социальная память оказывается подверженной закону спроса и предложения: чтобы сохраниться за пределами сиюминутного настоящего и, особенно, чтобы выжить в процессе передачи и обмена, память о событии должна быть востребована. И здесь присутствует важнейшая проблема: как на основе семейной истории передать следующим поколениям наши традиции и ценности, поскольку не все из них грядущие поколения разделяют как свои. Каждое поколение формирует свою память о прошлом. Более того, оно определяет новый взгляд на историю, воздействуя на изменчивость ее положений.

Не всегда опыт предшественников вызывает интерес у молодых поколений. Так А. Я. Гуревич в своих рассуждениях отмечал, что «сталкивался с тем, что иные молодые люди не только не знают ближайшего прошлого, но занимают в этом отношении принципиально негативную позицию: им это не интересно, зачем забивать голову этой рухлядью, когда есть настоящее и еще более заманчивое будущее; «пусть

мертвые хоронят своих мертвецов» [4]. Ж. И. Алфёров, дважды посещал Украину, где погиб его брат. Но впечатления от этих встреч были у него совершенно различными. «Я отчетливо почувствовал, – писал он, – вот за пятнадцать лет до этого, когда я сидел за столом в этой деревне, возле братской могилы, там рядом со мной были люди, которые помнили войну, для которых война была вчера. Война прошла через их души. А теперь я видел перед собой уже другое поколение, и для них война уже представлялась историей, временем, давно прошедшим» [5].

Поиск «новых путей» в истории обусловлен опять же изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому с позиций нашей современности. Формируя идеалы на основе исторического прошлого, новая генерация пытается реализовать их в реальной жизни. Поэтому мы иногда встречаем утверждения, что именно поколения формируют современное культурное, интеллектуальное и политическое мышление.

Вопреки прогнозу Ф. Фукуямы «о конце истории», события последних лет свидетельствуют об обратном [6]. История, похоже, подошла не к концу, а к началу очередных грандиозных перемен. На протяжении многих лет были организованы серьёзные социологические исследования коллективной памяти, которые продемонстрировали, что без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и их влияния на наше понимание истории и на саму историю, нельзя понять многое из происходящего. Именно такой подход позволяет увидеть, как меняются люди и почему существуют различия между людьми, родившимися в разные периоды через общность условий, определяющих дух поколения. Роже Шартье в связи с этим пишет: «Я не верю в уроки истории – хотя некоторые историки долгое время считали их главным оправданием собственной значимости. Если познание прошлого и может помочь нам лучше понять мир, какой он сейчас, то не по аналогии, а через различие» [7].

В любом случае, как это неоднократно доказывала история, интерес к прошлому всегда активизируется на фоне кризиса настоящего: «Память привлекает особое внимание тогда, когда возникает нарушение привычного хода ее работы или когда она сталкивается с чем-то, что забыть оказывается так же сложно, как и запомнить» [8, с. 9]. Связь памяти с настоящим, с современными проблемами развития подчеркивал и П. Нора: «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [9]. И хотя концептуальные основания *memory studies* были заложены ещё в межвоенный период, можно заметить, что Вторая мировая война

значительно ускорила этот процесс. Усиление интереса к проблематике памяти в послевоенное время было обусловлено так называемым «посттравматическим синдромом коллективной памяти» – сильнейшим потрясением всего мирового сообщества, вызванным ужасами Второй мировой войны, Холокоста и др. Именно тогда стали активно разрабатываться концепции коллективной травмы, вины, покаяния и памяти. И наконец, настоящий «мемориальный бум», охватил социальные науки с 1980-х гг. На наш взгляд, это произошло в результате нескольких причин.

Во-первых, произошел мощный натиск на европейскую культуру культуры исламской (это так называемый «постколониальный рецидив»), который вызвал острый кризис коллективной идентичности европейской цивилизации, приведший к расшатыванию свойственной ей традиционной системы ценностей. А в Центральной и Восточной Европе образовалась настоящая культурная воронка, вызванная распадом Советского Союза.

Во-вторых, мы наблюдаем фундаментальные изменения в информационном поле. Современное общество обрело возможности фиксации и хранения неограниченного объема информации. Ян Ассман назвал этот процесс новой культурной революцией, подобной появлению письменности и книгопечатания. Он утверждает, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре [10].

В-третьих, происходит так называемый кризис традиции, разрыв с традиционными типами сообщения о прошлом: семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, жившими под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, своеобразной интернет-модификацией. При этом происходит лавинообразное увеличение объема информации и ускорение процессов смены поколений. Важность данной проблемы очевидна, ибо преемственность поколений обеспечивает устойчивое развитие общества. Быстротечность современной жизни способствует формированию хрупкости и неустойчивости ценностных ориентиров, ориентацию на краткосрочность связей, отношений и взаимодействия.

Все говорит о том, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре. Эту парадигму нередко называют «memory studies», понимая под ними многообразие исследований, так или иначе связанных с феноменом памяти. Ю. М. Лотман пишет о пространстве культуры как территории общей памяти, имея в виду

те границы, в рамках которых некоторые общие черты сохраняются, и, соответственно, могут быть актуализированы определенным образом в конкретный момент времени [11]. Важно это пространство культуры, в том числе сформированное поколениями университетского сообщества, сохранять и расширять.

Библиографические ссылки

1. Лихачев Д. С. Раздумья. М.: Детская литература. 1991.
2. Беляева Н. Р. Персанальная гісторыя як новы «паварот»? Разважанні на палях адной біяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2019. № 5. С. 24–29.
3. Беляева Н. Р. Персанальная гісторыя і яе крыніцы // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск: БДУ, 2019. С. 31–36.
4. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? // История историка . 2004. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://union-z.ru/articles/gurevich-a-ya-chto-takoe-istoricheskij-fakt.html>. Дата доступа 12.08.2023.
5. Алферов Ж. О прошлом для будущего // Наука и жизнь .2004. №6 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/2565/?ysclid=lkzjbfajrm574679425>., Дата доступа 15.08.2023.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [пер. с англ. М. Б. Левина]. Москва: АСТ, 2015.
7. Калинин И. Перестройка памяти // Неприкосновенный запас. 2009. №2(64) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ka17-pr.html>. Дата доступа 14.08.2023.
8. Шартье Р. Письменная культура и общество М.: Новое издательство, 2006.
9. Нора П. [и др.] Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
10. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200–202.